

**Тоталитаризм и
тоталитарное сознание
Выпуск 5**

**Томск
2004**

Томилов В.Г.

Михаил Булгаков и сопротивление тоталитаризму

*Поэт - лучший и больший историк,
чем специалисты-историки*

Максим Горький

История христианства отразилась в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова во всех трех измерениях: прошлого, настоящего и будущего. И начинается роман с обсуждения вопроса об историческом существовании Христа.

Автор не зря сомневался в возможности опубликования «Мастера» в СССР. Уже сама постановка вопроса, считавшегося решенным, не могла не показаться тогдашним властям несвоевременной и подозрительной. В пьесе Маяковского «Мистерия-Буфф», которую Луначарский оценил как «идентичную всему ходу мировой революции», к революционерам является сам «дух вечного бунта» и советует: «На пророков перестаньте пялить око, взорвите все, что чтили и чтут». И «нечистые» кричат в ответ: «Орите в ружья! В пушки басите! Мы сами себе и Христос и Спаситель!». И они попытались выполнить эту директиву «духа». В своем завещании Ленин настоятельно рекомендовал перевести на русский и издать книгу Артура Дрекса «Миф о Христе», в которой утверждалось, что Иисус Христос никогда не жил и не существовал как человек и что все, что о нем говорится в Евангелии, является сплошным вымыслом. Книга Дрекса была переведена и издана в 1923 г. В «Мастере» апологетом точки зрения Дрекса-Ленина выступает представитель коммунистической бюрократии, председатель московского объединения писателей и редактор толстого журнала М.А. Берлиоз.

Булгаков не только оспаривает точку зрения Берлиоза (Ленина) на протяжении всего романа, но и отрезает Берлиозу его глупую голову, а близкого ему по взглядам поэта Бездом-

ного помещает в психиатрическую больницу. Если учесть, что точка зрения Ленина-Берлиоза безраздельно господствовала в наших школьных учебниках до конца 80-х годов и что коммунисты и сегодня продолжают называть Ленина «гениальным мыслителем», то нетрудно представить новизну «Мастера». Он опередил нашу историю по меньшей мере на три десятилетия: публичный отказ наших ведущих специалистов-историков от точки зрения Ленина произошел лишь в конце 50-х и последующие годы, т.е. когда был опубликован «Мастер».

Первой ласточкой стала статья ленинградского историка С.И. Ковалева «Основные вопросы происхождения христианства» (1958), в которой была дана положительная оценка книги английского историка и «большого ученого с острым аналитическим умом и с даром широкого исторического синтеза» А. Робертсона «Происхождение христианства», а также оценка сообщений Флавия о казни Иоанна Крестителя, Тацита о преследовании христиан Нероном и переписки Плиния младшего с Траяном как подлинных. Он признал необоснованность сомнений в историческом существовании Иоанна Крестителя, Якова, апостолов Петра и Павла и некоторых других деятелей раннего христианства, отверг концепцию его внепалестинского происхождения, снова объявил его родиной Палестину, а временем возникновения - начало 1-го века. Он, судя по всему, был инициатором и перевода упомянутой книги Робертсона. В ней утверждалось: нет ничего невероятного в том, что Иисус Христос жил в 1 в. и что Понтий Пилат приказал его распять.

В 1960г. Ковалев в соавторстве с М. Кублановым издает не менее интересную книгу «Находки в Иудейской пустыне», в которой в защиту тезиса об историческом существовании Иисуса Христа были приведены новые аргументы из найденных рукописей кумранитов. В них сообщалось о «праведном учителе», история которого, по мнению авторов, не противоречит евангельской истории Христа.

Тема получила развитие в книгах М. Кубланова «Иисус Христос - бог, человек, миф?» (1964), «Новый завет. Поиски и находки» (1968), «Возникновение христианства» (1974); в «Происхождении христианства в свете рукописей Мертвого

моря»(1967) Г. Лившица и в книге И. Крывелева «Что знает история об Иисусе Христе»(1969). И надо сказать, что авторы этих работ превзошли предсказание Булгакова и пошли дальше Робертсона, считавшего Христа одним из руководителей национально-освободительного движения евреев от римского порабощения. По мнению авторов указанных книг, наличие нехристианской «биографии» Христа и раннего христианства, отсутствие сомнений в историческом существовании Христа у античных критиков и противников христианства (Талмуд, Цельс, Порфирий, Лукиан, Гиерокл и др.) и кумранские рукописи не только не дают оснований для лишения канонических Евангелий статуса исторических источников, но и подтверждают этот их статус.

Выяснилось, что историческая наука знает об Иисусе Христе немало. Так М.Кубланов, сравнив кумранского «учителя праведности» с основателем христианства, не нашел между ними принципиальных различий: оба представляются посланцами Бога, оба подвергались преследованиям и умерли насильственной смертью, последователи того и другого верят в их воскресение и второе пришествие. И.Крывелев согласился почти со всеми аргументами Кубланова и подверг критике сообщение Талмуда об Иисусе сыне Пандиры или Пантеры. Он считает, что в этом сообщении речь идет об Иисусе Христе и что упомянутое прозвище было произведено от греческого слова «парфенос» или «партенос», т.е. дева. Евреи в издевку над христианами, по его мнению, переименовали «партенос» в «пантерос». Мать Иисуса оказывалась, таким образом, «пантерой». Но так как в обычае евреев было называть человека по отцу, а не по матери, то оказалось удобным признать Пантеру отцом Иисуса. Дальше поработала фантазия, и таким образом возникла легенда, будто отцом Иисуса был римский солдат по имени Пантера, с которым его мать якобы вступила в прелюбодейную связь. Недалеко ушли от этой легенды, по мнению Крывелева, и такие «фальшивки» как «Донесения прокураторов», «Переписка эдесского царя Абгара с Христом и императором Тиберием» и т.п.

“Фальшивкам” он противопоставил “подлинные источники по истории раннего христианства”, к которым, кроме “Нового завета”, отнес некоторые апокрифы, а также сочи-

нения Иосифа Флавия, Мара, Светония, Тацита. Из них он особо выделил рукопись, имеющую условное название “Мидраш Мелхиседек”. Ее содержание составляют пророчества о приближающемся конце света и о той роли, которую предстоит сыграть в надвигающейся драме некоему Мелхиседеку, изображаемому в самых возвышенных чертах: он - верховный судья, мститель всем злым, провозвестник грядущего спасения праведных и главный деятель самого спасения, мессия, искупитель, вождь “сынов света” в их будущей последней борьбе с “сынами тьмы”. Имя Мелхиседека, означающее “царь праведности”, перекликается с наименованием “учитель праведности”. И, если допустить, что Мелхиседеком именуется здесь Иисус Христос, а такое допущение не противоречит Библии, где Христос иногда называется Мелхиседеком, то текст кумранского “Мидраша”, по мнению Крывелева, можно рассматривать как самое раннее свидетельство об основателе христианства, причем свидетельство из совершенно нового источника.

М.Булгаков не смог в “Мастере” подняться до такого уровня. Новозаветные произведения были использованы им в качестве исторического источника лишь отчасти. Его Иешуа гораздо меньше похож на Иисуса Христа, чем “учитель праведности” или Мелхиседек кумранских рукописей. Судя по всему, Булгаков использовал в качестве источника наряду с другими и такую “фальшивку” как гольбаховская “Галерея святых”. Как бы подтверждая воспроизведенную в ней легенду об Иисусе сыне римского солдата Пантеры, булгаковский Иешуа говорит Пилату: “мой отец был сириец”. Здесь тоже есть момент отрицания. Иешуа отрицает исторический прототип своим отличием и непохожестью, как отрицали его лукиановский Перегрин и порфириевский Иисус. Более того, христианству противопоставляется в романе (хотя и не столь резко, как у Маяковского) то, что Пастернак назвал позже “политическим мистицизмом советской интеллигенции”, или, говоря проще, прикрытая, принаряженная чертовщина, “дух зла” Воланд и его банда.

И все же было бы неправильно упрекать Булгакова в антиисторизме. Сам его “антиисторизм” был весьма историчен. Некоторые исследователи не без основания считают

“всесильного Воланда” литературным псевдонимом Сталина. Последний ведь тоже предпочитал делать дела чужими руками и таким, как Берлиоз, приказал отрезать немало голов.

Православная церковь переживала в 20-30-е годы тоже не лучшие времена.

И церкви нет. Была она
сначала в склад превращена,
в склад для зерна - мы были в ней,
и лики странные со стен
глядели молча на людей -
потом совсем разобрана
и куда-то свезена.
Осталось сельское кладбище -
костей да воронов жилище.

В июле 1927г. в “Известиях” была опубликована “Декларация митрополита Сергия”, призывавшая паству и паству к прекращению сопротивления властям и к тому, чтобы стать желательным и образцовым гражданином СССР и “положить жизнь свою за общее дело”. Речь шла об участии в строительстве социализма. “Союз воинствующих безбожников” насчитывал в 1928г. 123000 членов, а в 1933г. - уже 5500000. Писать в те годы о Христе за пределами церковной ограды в положительном ключе было смертельно опасно. Борис Пастернак, например, заплатил за это жизнью. Отсюда и искажение образа. Историк смотрит на прошлое не иначе, как глазами своего времени, своей эпохи. И Булгакова, как историка христианства, надо оценивать в контексте эпохи с ее атмосферой страха, репрессий, гонений и через сравнение с предшественниками, т.е. прежде всего с Древсом-Лениным. А по сравнению с ним он сделал шаг из бездны, зловещим символом которой позже стали Вторая мировая война, Хиросима и Чернобыль. Он сделал шаг в том направлении, по которому шли Пушкин, Достоевский, Вл. Соловьев и Л.Т. Олстой. Все они спускались в бездну и выбирались из нее, руководствуясь, подобно евангельским волхвам, светом “рождественской звезды”.

Пушкин в последние годы связывал с личностью Христа “величайший духовный и политический переворот нашей планеты”, который был не только однажды начат, но и продолжается сегодня. “Есть, - писал он, - книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицею народов; она не заключает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием, - и такова ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие. И не всуе, собираясь сказать несколько слов о книге кроткого страдальца, дерзнули мы упомянуть о божественном Евангелии: мало было избранных (даже между первоначальными пастырями церкви), которые бы в своих творениях приближались кротостию духа, сладостью красноречия и младенческою простотою сердца к проповеди небесного учителя”(1).

Булгаков не поднялся до такого уровня понимания, но он поднимался из бездны вслед за Пушкиным, Достоевским, Соловьевым и Толстым в этом направлении. И неудивительно, что газета “Правда” и в 57г. находила в романе Булгакова “много чуждого нашему времени”. В нем, говоря словами Гете, отразилось величие, исходившее от личности Христа; в нем есть нечто от “нравственной культуры христианства, как она сияет и светит в Евангелии”. Иешуа утверждает исторический прототип своим сходством с ним, утверждает как напоминание о великом примере веры в конечное торжество добра и смерти за свои убеждения. И в этом главное значение “Мастера”.

Примечания

1. А.С. Пушкин. Полн. Собр. Соч. В 10 тт. Т.7. Л.,1978, с.322.